

УДК 82-4

П.П. Каминский**ЧЕЛОВЕК, ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО В ПУБЛИЦИСТИКЕ****С. ЗАЛЫГИНА****ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1980-х гг.***

Проблемы экологии в публицистике С. Залыгина периода перестройки рассматриваются в социально-историческом и цивилизационном аспектах – как результат социально-исторических процессов в России XX в. и тенденций развития мировой цивилизации. Взгляды С. Залыгина на взаимоотношения в системе «природная среда / человек» определяет его онтология. Пути разрешения экологического кризиса заключаются не только в природоохранных мероприятиях, но и предполагают необходимость модернизации государства и системы общественных отношений. Экологическая ситуация становится проблемным полем для рефлексии писателя о самом широком спектре вопросов общественно-государственного развития.

Ключевые слова: Сергей Залыгин, публицистика, экология.

К экологической проблематике С. Залыгин обращается с середины 1950-х гг. («Насущные нужды Барабы»). В качестве собкора «Известий» он посещает строительство канала «Волго-Дон», Цимлянкой, Волжской, Новосибирской, Усть-Каменогорской, Красноярской ГЭС, и в поле его зрения оказывается гигантское по масштабам техническое воздействие на природу. Писатель становится одним из самых авторитетных участников экологического движения в стране, когда при его непосредственном участии закрывается проект Нижне-Обской ГЭС: «Леса, земли, воды» (1962), «Леса, земли, воды и ведомство», «Дело народное, а не ведомственное» (1963).

Начиная с 1960-х гг. публикуются десятки выступлений С. Залыгина по вопросам экологии: «Вода и земля Земли» (1968), «НТР и литература. Размышления и догадки» (1973), «Литература и природа» (1980), «Вода подвижная, вода неподвижная» (1984), «Проект: научная обоснованность и ответственность», «Водное хозяйство без стоимости... воды?» (1985), «Интеллект и литература» (1986), «Поворот. Уроки одной дискуссии», «Разумный союз с природой», «А что же дальше? Кому нужен и кому не нужен поворот?» (1987) и т.д. В 1993 г. в «Новом мире» выходит «Экологический роман», в художественно-публицистической форме выражающий экологическую этику писателя. В 1998 г., находясь в инфарктной палате, С. Залыгин создает свои «заметки по ходу жизни» – «Моя демократия», где подводит итог в том числе и своей экологической позиции. В экологической публицистике воплощаются система представлений С. Залыгина об организации бытия, развитии человечества, современности, утверждаются основные этические категории писателя, формируется критическое отношение к советской

* Работа выполнена при поддержке Совета по грантам Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых (грант МК-3369.2008.6 «Модернизация России конца XX – начала XXI века и мировоззрение русских классиков (на материале публицистики В. Астафьева, С. Залыгина, В. Распутина)»).

системе и идеологии, что дает основание рассматривать экологию писателя как воплощение его онтологии, историософии, этической системы и т.д.

В 1987 г. в издательстве «Мысль» выходит книга публицистики С. Залыгина «Поворот», включающая программные статьи, опубликованные после апрельского Пленума ЦК КПСС 1985 г., когда партия взяла курс на перестройку [1–5]. Этот ключевой публицистический сборник С. Залыгина второй половины 1980-х гг. составлен по итогам решения Политбюро ЦК КПСС от 16 августа 1986 г., прекращавшего проектные работы по переброске части стока северных и сибирских рек в южные районы страны (проект перераспределения стока северных и сибирских рек) и предусматривавшего более экономное и эффективное использование «имеющихся водных ресурсов» и комплексное использование «всех факторов интенсификации сельскохозяйственного производства» [1. С. 5]. Это постановление содержало идеи, сформулированные писателем еще в начале 1960-х гг.

С. Залыгин подводит итоги многолетней борьбы с глобальным проектом преобразования природы – спора «между сторонниками и противниками проектов переброски» [Там же], осмысливая ее опыт и значение: «Итак, о чем же говорит опыт этой дискуссии, первой в своем роде за всю нашу историю? Каковы ее уроки? Каковы – масштабы? Каково ее происхождение?» [Там же. С. 7]. Исходная точка размышлений – осознание губительных экологических последствий ведомственных проектов преобразования природы – бессмысленное строительство плотины в заливе Кара-Богаз, отсекающей его от Каспия, засоление почв при орошении из озера Сасык, трагедия земель Каракалпаккии. Писатель предостерегает от громадных последствий реализации нецелесообразных и непроработанных проектов переброски вод Дуная в Днепр, полной регуляции стока Енисея каскадом из 12 плотин, Даугавпилсской ГЭС, заградительной дамбы в Ленинграде, Ржевского водохранилища и т.д., аргументируя свои выводы о «расточительном природопользовании» сообщениями центральной печати, вырезками из местных газет, а в области орошения, как специалист, своими наблюдениями: низкая агрокультура при орошении приводит к потере 100 тысяч гектаров продуктивной земли в год – гибели пашен, пастбищ, деградации чернозема, заболачиванию пустыни, сокращению ресурсов пресной воды и т.д. Деятельность по изменению гидрогеографического ландшафта приводит к изменениям климата.

В социальном аспекте С. Залыгин определяет стороны дискуссии, характеризуя тех, кто был «за», и тех, кто был «против». «За» – проектный истеблишмент, который характеризуется как малочисленный: «Во всяком случае не составляет особых трудностей перечислить всех, кто был за» [Там же. С. 6]¹. Противников проекта перечислить невозможно, движение «против»

¹ Проводниками и последовательными апологетами проекта «переброски» называются министерства мелиорации и водного хозяйства РСФСР и СССР, Союзгипроводхоз, Институт водных проблем АН СССР, персонально – чиновники и ученые с высоким служебным положением: заместитель председателя Госплана СССР П.А. Паскарь, первый заместитель министра мелиорации и водного хозяйства СССР П.А. Полад-заде, первый заместитель председателя Государственного комитета СССР по гидрометеорологии и контролю природной среды В.Г. Соколовский, директор Института водных проблем АН СССР, председатель Государственной экспертной комиссии Госплана СССР чл.-кор. АН СССР Г.В. Воропаев, заместитель

имеет всеобщий, всенародный размах: «А вот кто был против – этого мы никогда, наверное, так и не определим, потому что против выступала общественность... <...> люди самых разных возрастов и профессий»: ученые, писатели, врачи, агрономы, историки, филологи, инженеры, учащиеся, пенсионеры, рабочие, служащие, журналисты, выступавшие как в частном порядке, так и в составе целых профессиональных сообществ – «Сколько их было – никто не знает, наверное, не один миллион» [Там же]¹. Таким образом, коллизия сторонников и противников проекта осмысливается как антагонизм общества и ведомств.

Советские ведомства, планирующие и осуществляющие гигантские проекты в области гидростроительства, с точки зрения С. Залыгина, представляют собой, во-первых, закрытые структуры, не предполагающие внешнего контроля за своей деятельностью. Они пренебрегают общественным мнением и интересами, не предрасположены к диалогу – самоизолируются от общества, отчуждены от него. В этом качестве они узурпируют функции общественности, когда, например, ИВП АН СССР выступает в одном лице и как головная организация по комплексным исследованиям, и как главный эксперт по проекту, а Минводхоз принимал на себя и функции строителя (подрядчика), и функции заказчика. Во-вторых, это самодовлеющая хозяйственно-экономическая машина, не учитывающая законов экономического развития и принципов целесообразности. Она раздута с оргштатной точки зрения². Ведомственную систему отличает заорганизованность, а ее деятельность направлена не на решение важных для общества и государства задач, а на поддержание своей громоздкой структуры. Представляя собой самодостаточные структуры, ведомства пребывают в состоянии разобщенности, изолированности друг от друга, что не позволяет им решать общие задачи. Отчуждение характеризует не только внешние отношения ведомственной системы, но и ее внутреннюю структуру. Так, проектировщики не осуществляют контроль за последующей реализацией проекта, освобожденные от ответственности после сдачи проектной документации.

С. Залыгин приводит конкретные факты и подробнее излагает все обстоятельства борьбы министерства за проект – как до, так и после решения Политбюро ЦК КПСС. Логика анализа, который ведется с опорой на науч-

министра Б.Г. Штепа, главный инженер проекта А.С. Березнер и др. К этому полюсу примыкают «туда-сюда», колеблющиеся, занимающие выжидательную позицию – ВАСХНИЛ, Институт географии АН СССР.

¹ С. Залыгин выделяет природоохранную деятельность большинства отделений, ученых советов и институтов АН СССР, Всесоюзного географического общества, Всероссийского общества по охране памятников истории и культуры, органов местных властей, Союза писателей СССР; персонально перечисляет некоторых участников экологического движения – С. Михалкова, Ю. Бондарева, вице-президента АН СССР академика А.Л. Яншина, академиков Д.С. Лихачева, Л.С. Понтягина, Г.И. Петрова, Н.Н. Красовского, А.А. Дородницына, Ю.В. Прохорова, А.Н. Тихонова, В.П. Маслова и др.

² С. Залыгин указывает, что до перестройки в специально созданном Всесоюзном головном проектно-изыскательском и научно-исследовательском институте по переброске и распределению вод северных и сибирских рек работали 6 тысяч человек, в системе Минводхоза в целом насчитывалось аж 160 исследовательских учреждений и 68 тысяч проектировщиков, при этом ведомство не прекращало усилий по еще большему расширению проектных штатов.

ные выкладки, определяет опровержение всех доводов и действий сторонников проекта. Автор последовательно выявляет их абсурдность. Обширные факты фальсификации и подтасовки научных обоснований, подгонки данных, подлогов, бюрократических проволочек, ухищрений, немотивированных и противоречащих здравой логике решений, круговой поруки дают основания говорить о недобросовестности ведомств, использующих в качестве основной тактику обмана, единственная цель которого – сохранить проект: «...не грех подтасовать и цифры и факты, полностью отказаться от экономических показателей, если они «не бьют» [Там же. С. 19]. При этом, в условиях отсутствия внешнего контроля, ведомства остаются безнаказанными.

На данном этапе С. Залыгин разделяет хозяйственное и государственное управление, говоря об отчуждении ведомств как от общества, так и от государства: «Государство и общество интересуется проблема охраны природы, а ведомство – максимальное (толковое и бестолковое) использование всех ее ресурсов. (Государство и общество интересуется проблема повышения производительности труда, а ведомство – увеличение собственных штатов.) Государство и общество заинтересованы в том, чтобы средства были сосредоточены на важнейших строительных объектах, а ведомства плодят и плодят незавершенку» [Там же. С. 15].

Административная структура ведомственной системы предполагает хозяйственно-экономический примитив, экстенсивный путь развития. Писатель обнаруживает противоречия в системе экономики: господство плановых показателей над качественными, валовыми; игнорирование реальных экономических показателей при планировании, как следствие – крайняя неэффективность хозяйствования. Ведомствам оказывается невыгодно уделять внимание рационализации и интенсификации природопользования (сухим мелиорациям, противоэрозионным мероприятиям, высокой агротехнике; учитывать реальные экономические показатели – цены за воду, стоимости земельного кадастра и т.д.): «Ведь это только на первый и самый поверхностный взгляд «проект века» – высокая и далеко не всем доступная наука, на самом же деле это подлинный примитив: не хватает воды в одном бассейне – перебросим ее из другого, что может быть проще? Разработать и осуществить систему экономии оросительной воды; внедрить в производство современные способы полива – куда как сложное дело, вот и отложим его на потом, а сейчас – переброска!» [Там же. С. 17–18]. Финансирование проектных организаций в порядке отчисления от сметной стоимости проекта приводит к тому, что гигантомания оказывается выгодной. Эти положения С. Залыгин иллюстрирует многочисленными примерами нерациональных проектов: «И значит, проектируем переброску в бассейн Кубани 6 кубокилометров в год, а теряем там при орошении 9 кубокилометров и слышать не хотим о том, что объем неиспользованного в бассейне местного стока составляет 70 кубокилометров!» [Там же. С. 18]. Критические суждения распространяются на систему планово-бюрократической экономики в целом: «И это чуть ли не всеобщее явление, при котором торговая сеть диктует свои условия покупателю, чиновник – посетителю, а ведомство – науке и народному хозяйству» [2. С. 44]. Этапы борьбы общественности с проектантами осмысляются писателем как этапы формирования активного

общественного мнения – гражданского сознания в России. Определение борьбы как «дискуссии» указывает на оценку позиции противников проекта как конструктивной.

До перестройки общество было изолировано от механизмов принятия ведомственных решений и лишено возможности выражать свое мнение: «...никакой дискуссии и не было, а было безудержное восхваление «проекта века» его авторами в отечественной и зарубежной печати, суть которого состояла в том, что проектировщики уже всех превзошли, все инстанции прошли и дело за немногим – осуществить проект в натуре; немногочисленные же по тому времени противники проекта вплоть до середины 1985 года вообще не получали слова, по крайней мере в печати» [1. С. 7].

Дискуссия, общественное противодействие начинается в 1980-х «...в узкой среде специалистов и творческой интеллигенции» и становится полномасштабной с перестройкой (апрельский Пленум 1985 г., XXVII съезд КПСС, последующие решения ЦК и Совмина), в ходе обсуждения Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1986–1990 годы и на период до 2000 года, политических докладов М.С. Горбачева и Н.И. Рыжкова на XXVII съезде. Государство принимает обязательства учитывать общественное мнение при формировании решений, а общество восполняет вынужденное молчание предшествующих лет, подвергая комплексной критике природопреобразующие проекты.

Как полагает писатель, именно гражданское возмущение приводит к закрытию проекта: «Так бы оно и шло дело, и нынче уже перекапывали бы десятки миллионов кубометров земли на трассах запроектированных каналов по полтиннику, а зимой и в полтора-два раза выше за кубометр, ничуть не задумываясь над тем – а для чего? Каков будет конечный результат?» [Там же. С. 11–12]. С. Залыгин уверен в новой роли и возможностях общества в обновляющемся государстве. Возникновение активной дискуссии о проекте трактуется как отражение объективных процессов изменения типа мышления, общественной психологии – появление самостоятельного гражданского сознания в новых политических условиях (на данном этапе С. Залыгин связывает состояние общественного сознания с политикой государства, когда изменение политического курса приводит к обновлению мышления): «Психология общества меняется с изменением политики. В политически неизменном государстве общественного мнения либо нет совсем, либо оно ведет подпольный образ жизни. Изменилась политика нашего государства по отношению к обществу – вот почему и возникла та дискуссия, о которой идет речь» [Там же. С. 11].

Метафора «поворота» используется и в смысле проектов «поворота рек», и в смысле поворота государства к общественному мнению. Перестройка осмысливается С. Залыгиным в хозяйственно-экономическом и духовно-историческом аспектах. Писатель фиксирует ее необходимость и необратимость – как с точки зрения переустройства системы экономического и государственного управления, так и с точки зрения изменения стиля мышления в обществе: «Поворот столько же необходимый, сколько и необратимый» [Там же. С. 5]. Таким образом, для С. Залыгина второй половины 1980-х гг., перестройка понимается как вызревшая в обществе естественная потребность,

являясь качественно новым – гражданским – этапом в развитии общественно-го сознания, а борьба с проектом рассматривается в социально-исторической перспективе. Коллизия общества и ведомственной системы трактуется как конфликт двух типов мышления, соответствующих выделяемой писателем бинарной оппозиции эпохи перестройки – «прогрессисты / консерваторы».

С. Залыгин исследует генезис «доморощенного бюрократического советского социалистического консерватизма», лежащего в основе природы ведомственной системы. Он закладывается в экстремальных условиях сталинской модернизации, когда социальные и идеологические задачи гигантского промышленного строительства требуют концентрации усилий общества для достижения единой цели, что формирует такие качества массового сознания, как авторитарность, ортодоксальность, утопизм, примитивная картина мира, особая этика¹. На этом этапе С. Залыгин оправдывает безвариантное утопическое мышление, называя его необходимым в тех условиях – формирование промышленного потенциала страны (освоение Кузбасса, строительство Магнитки, Турксиба и Днепрогэса, Челябинского и Сталинградского тракторных заводов и т.д.), составившего фундамент победы над фашизмом.

В следующей социально-исторической ситуации тип мышления конца 1920-х – 1930-х гг. вступает в инерционную фазу, редуцируется, теряет соответствие задачам современности и трансформируется в консерватизм². Авторитарное мышление не соответствует современности, что порождает косность, утрату способности к адекватному восприятию текущей действительности и мышлению в перспективе: «Да, консерватор сохраняет лозунги минувших лет, оберегает их ото всех и всяческих посягательств и гордится этим, но, сохраняя лозунги, он давным-давно утерял чувство времени, в частности – дух того времени, которому эти лозунги принадлежали, он потерял его прежде всего применительно к самому себе» [Там же. С. 14]. «Новый консерватизм» заключается в несамостоятельном, некритичном следовании пустым, лишенным основы установкам мышления и поведения, которое в новом, не экстремальном состоянии жизни имеет формальный характер.

¹ «...Наш родной консерватизм тоже возник не на пустом месте, а из прогрессивных и революционных идей, вернее всего из идей и практики конца 20-х – начала 30-х годов, когда, решительно распрощавшись с нэпом, мы заодно распрощались и с вариантным мышлением и целиком сосредоточились на главном (и единственном) направлении – на задаче индустриализации и коллективизации страны л ю б о й ц е н о й. Нам в то время не усложнение действительности нужно было, а ее упрощение, полная ее очевидность, полная безвариантность, потому что мы рассматривали свое положение как положение если уж не военное, так чрезвычайное. Любое отклонение – это был уже уклон левый, а чаще правый, любой уклон – это деяние антиобщественное, антигосударственное, антисоветское. Либо – либо! Или мы победим, или нас победят. Отсюда и «любая цена» во всем, и жертвенность, которую мы тогда проявили, и категоричность суждений («Если враг не сдается – его уничтожают»), и энтузиазм, и нетребовательность в отношении материальном» [1. С. 12].

² «...Чрезвычайное положение 30-х годов потому и было чрезвычайным, что долго оно продолжаться не могло, жизнь переставала в него укладываться; жизнь в нормальном состоянии требует сопоставления вариантов своего дальнейшего осуществления, но вот в чем дело – государственный аппарат оказывается не подготовленным к вариантному мышлению, к деятельности, требующей самостоятельности и ответственности не только перед вышестоящим руководством, но и перед обществом в целом. И тогда-то и возникает «новый» консерватизм, он и есть первый признак этой неподготовленности» [1. С. 13].

С. Залыгин указывает, что современные «консерваторы» не помнят трагических обстоятельств первых десятилетий советской истории (партмаксимума, коммуналок, чрезвычайных «троек» и «пятерок» и т.д.), а идеологической убежденностью прикрывают простой карьеризм. Гигантоманию в проектной деятельности ведомств вызывают остаточное влияние «магии масштабности», рецидивы прежних утопических проектов.

Именно «консерватизм» формирует «ведомственный», «служебный» взгляд на реальность, основывающийся на спекулятивном отношении к природе и обществу: «...консерватор всегда таков – общество он хочет видеть мыслительно неподвижным, а себя самого мыслящим непогрешимо. И – грандиозно!» [Там же]. Это механистический анализ, расчленяющий, дробящий реальность и осуществляющий редукцию полноты реальности до узкопрагматического аспекта, в котором нет места гуманитарному видению. С. Залыгин подчеркивает ограниченность такого подхода, в ведомственной практике подчиняющего все сферы жизни (данный тип мышления сближается с сознанием героя А. Платонова инженером Прушевским)¹.

«Консерватизм» административного мышления и структура организации хозяйственной системы рождает особое сознание рядовых исполнителей проекта – проектировщиков, работников специальных институтов и двух миллионов человек, занятых в системе Минводхоза. Их неучастие в общественной дискуссии говорит С. Залыгину о несамостоятельности, безразличии и безынициативности как стратегии поведения, воспитанной в ходе длительного идеологического воздействия, строго единоначалия и методичного внушения о совпадении узкоэгоистических мотивов (карьера, материальное благополучие) с интересами государства. Каждый из этих людей, выполняя работы на узком, отведенном ему сегменте проекта, не обладает способностью к универсальному взгляду, не желает и не способен составить мнение о проекте в целом. Будучи формально интегрированными в определенную общность проектировщиков, люди не становятся носителями идентичности, оказываются замкнутыми в ограниченных пределах своей работы и частного существования. Безразличие и социальная пассивность приводят к отчуждению этих людей и от общества в целом.

В статьях сборника выражены идеи, развивавшиеся С. Залыгиным еще в 1960–1970-е гг., что позволяет рассматривать публицистику второй половины 1980-х как итог предшествующего понимания экологии. Публицистические выступления писателя периода перестройки посвящены защите природы как части внешнего пространства существования, сконцентрированы на анализе механизмов взаимоотношений государства, ведомств и общества (социальный аспект). В работах сборника выражено и иное понимание экологии – философско-этическое, подразумевающее защиту внутреннего пространства существования (нравственность, культура).

¹ «Этот взгляд всегда ограничен прежде всего потому, что он без конца расчленяет окружающий мир – единую природу – на самые разные природные ресурсы – водные, минеральные, земельные, лесные и так далее; общество – на профессии, народное хозяйство – на отрасли, государство – на учреждения. Эта стихия подразделений и разделений все возрастает. Разделяя же действительность и ее главные проблемы на части, на множество частей, ведомственность властвует над действительностью – принцип старый» [1. С. 24].

Характер экологической ситуации во второй половине XX в. осмысливается в цивилизационном (мегаисторическом) аспекте и связывается с логикой развития человечества (эпоха НТР). С. Залыгин констатирует невиданный на всем протяжении истории рост масштабов вмешательства человека в природу в условиях научно-технической революции. Революционный характер современного этапа истории цивилизации позволяет трактовать его как время кризиса, пограничную стадию развития человечества: «Научно-техническая революция потому и революция, что она уже сегодня определяет пути развития грядущего...» [2. С. 46–47].

Природа, в восприятии С. Залыгина, – совершенная динамическая система, в которой все элементы строго упорядочены и уравновешены. Она возникает в ходе компромисса между бытием и небытием при случайном стечении обстоятельств. Имманентным качеством системы бытия является разумное начало. В систему природных связей и отношений органически включен человек. Он осмысливается как неотъемлемая часть целого природы, генетически природное существо. Природа, как высшая разумная организованность, называется источником человеческого разума.

В результате человеческого развития происходит нарушение равновесия бытия в целом. «Не предусмотренный природой» рост потребностей человека вызывает рост его производительных сил. Новые технические возможности подчинения природы своим потребностям приводят к самонадеянности, вере в собственное всеисие. Человек, как часть целого природы, возвышаясь над ней, утрачивает естественные связи, теряет понимание природных законов и своего места в бытии, его существование характеризуется обособленностью, самозамкнутостью: «Природный процесс <...> не приобщен к нашей повседневной жизни, мы <...> чувствуем некий рубикон между ним, этим процессом, и нами самими» [3. С. 62]. Отрыв от природы приводит и к неполноценности человека как природного существа, утрате опор существования: «...мы – тоже часть природы, и, покоряя целое, мы неизбежно уродуем и ту ее часть, которая – мы сами» [Там же. С. 51–52].

Эпоха научно-технической революции трактуется как естественный этап истории человечества, что связано с представлениями писателя об истории цивилизации как постоянной адаптации человека к меняющимся условиям. Это – незавершенный процесс. С. Залыгин подчеркивает сложность адаптации к новым условиям существования на каждом этапе: «Пришествие каждой новой эпохи всегда смущало человечество. И в самом деле, в пришествии этом неизбежно было заложено множество противоречий, которые предстояло решить. Однако возможности и способы их решения оставались неясными и спорными для мыслителей, причем не только выдающихся. И общественное мнение сходилось на том, что «время покажет» и «сама жизнь подскажет», как дальше жить и что делать и как эти противоречия устранять. Но прежде чем находились ответы и подсказки на «главные вопросы», наступала следующая эпоха, она тут же незамедлительно выдвигала свои собственные проблемы, в то время как не были решены проблемы предыдущих десятилетий. И таким образом, каждое поколение, освобождаясь от груза прошлого, всего того, что отжило свой век, все более и более отягощалось

грузом будущего: каким-то оно будет и как-то мы сумеем его осуществить, да и вообще сумеем ли?» [Там же. С. 49].

Цивилизационные тенденции в России осложняются ложными доктринами (утопическая идея борьбы с природой): «Уже в первые годы нашего социалистического существования даже от великих наших писателей можно было услышать о том, что вот, мол, вскоре мы решим проблемы международных и классовых столкновений, а тогда единственным нашим врагом останется... природа. С ней и будем бороться. И, вместо того чтобы искать с природой разумного союза, используя для этого все возможности, мы приняли природу покорять... Покорять и покорять» [Там же. С. 51].

Новый масштаб угроз и последствий вмешательства человека в равновесие природных систем ставит человечество на грань существования, выделяет современный этап из ряда предшествующих, диктуя особую необходимость самоопределения – определения опор, выработки новых подходов к существованию: «...сама-то жизнь нынче вписывается в иные явления, и сама Земля становится другой, поскольку она оказалась в наших руках, и совсем не такой надежной для жизни, как это было всего несколько десятилетий тому назад» [3. С. 61–62].

При этом в публицистике С. Залыгина отсутствуют антисциентистские настроения. Писатель осознает и принимает неизбежность прогресса, настаивая на необходимости его регулирования разумом.

Экологический императив С. Залыгина расширяется до социально-исторического. Экологическая программа связывается с обновлением общества и государства. Осмысля основные противоречия советского общества и государства, воплощаемые ведомственной системой, С. Залыгин утверждает необходимость их срочной модернизации: «Время наступило такое, о котором можно сказать: сейчас или никогда! Можно сказать: если не мы, тогда кто же?» [1. С. 29]. Модернизация на этапе перестройки рассматривается как комплексный императив. Во-первых, писатель исходит из требования модернизации хозяйственной и административной системы, подчинения ее решению государственных и общественных задач: «...государственный аппарат, а Госплан прежде всего, наверное, должен перестраиваться и перестраивать свои отношения с ведомствами» [Там же. С. 15]. Писатель, обозначая проблемную ситуацию, не дает готовых рецептов, полагая лишь, что конкретные предложения по реформированию системы управления и хозяйствования в стране должно формировать общество. С. Залыгин указывает на способность и готовность общества к исполнению этой функции, ссылаясь на объем предложений, скопившихся в редакционном портфеле «Нового мира».

Во-вторых, С. Залыгин утверждает необходимость «психологической перестройки общественного сознания в духе новых требований» – формирования нового мышления, противоположного ведомственному «консерватизму». Оно предполагает, с одной стороны, реалистический взгляд на вещи – отказ от спекулятивных стереотипов утопического (суть тоталитарного) сознания. С другой стороны, универсализм восприятия мира, взгляд на него как на целое. Условием нового мышления является демократическое обновление – возможности выражения общественного мнения: «Значение и настоятельная необходимость в общественном мнении определяются нынче еще и

необходимостью видеть действительность такой, какая она есть, без ведомственного лоска и без ведомственной узости, наконец, видеть ее, действительность, не по отдельным частям, а в целом» [Там же. С. 23].

С точки зрения С. Залыгина, только общественность как высшая форма социальной интеграции может сформировать универсальный, целостный взгляд на реальность. Общественное мнение формирует мировоззрения общества – взгляды на все уровни организации бытия – природного и социального, выполняя, таким образом, функцию не только познания внешней среды существования общества, но и его самопознания: «И только общество общими усилиями может создать более или менее целостную картину и самого себя, и окружающей его природы, и мира, и своей страны. Его прямое назначение – воспринимать жизнь в возможно широком, всестороннем плане. И каждую проблему тоже» [Там же. С. 24]. Формами такого самопознания называются литература и публицистика¹.

В период перестройки С. Залыгин наблюдает естественное формирование общественного мнения «снизу». Общественность в сознании писателя – представители творческой и научной интеллигенции. Это самоорганизующаяся система, на которую можно возлагать значительные надежды². Наделяемое такими чертами, общественное сознание противопоставлено как ведомственной системе, так и типу сознания простых проектировщиков.

Демократическое мышление должно лечь в основу нового подхода к руководству, обеспечивая «гражданскую взыскательность», ответственность за общее благо, добросовестность, квалификацию. Это необходимые требования для учета в процессе принятия решений руководителями всего предшествующего опыта и возможных последствий: «...Каждый замысел и проект должны находиться в руках таких людей, которые в состоянии освоить опыт прошлого и правильно оценить все возможности, все требования не только ближайшего, но и сравнительно отдаленного будущего» [2. С. 33].

В целом роль гражданского сознания для С. Залыгина является определяющей в процессах модернизации, развития общества и государства, определяет их основной тренд – демократическое обновление³.

Решение собственно экологических проблем в публицистике С. Залыгина, основанное на требовании всеобщей модернизации, подразумевает две

¹ В качестве одного из первых примеров результативности «сорганизовавшейся общественности» писатель приводит деятельность Временной научно-технической экспертной комиссии под руководством вице-президента АН СССР академика А.Л. Яншина, созданной на базе научных советов АН СССР по поручению Политбюро ЦК КПСС. В результате работы этой комиссии, при активном участии С. Залыгина, был закрыт проект Нижнеобской ГЭС, предусматривавший затопление 135 тысяч квадратных километров. Другой пример, приводимый писателем, – не завершившаяся к моменту публикации статьи борьба за Байкал.

² «...Комиссия по проблеме эффективности мелиораций была создана в соответствии с поручением Политбюро ЦК КПСС и лично товарища М.С. Горбачева. Но правильнее было бы сказать по-другому – она была не создана, а санкционирована, учреждена, и после этого никто и никогда не определял ни ее состава, ни ее деятельности. Председатель комиссии сформировал ее, а дальше она сама определяла характер своей работы» [1. С. 28].

³ «Не будет этого (общественного. – П.К.) мнения – разве государство решит проблему борьбы с пьянством? Борьбы со всякого рода злоупотреблениями? Народного контроля в целом? Усовершенствования государственного аппарата тоже в целом?» [1. С. 28].

стратегии. С одной стороны, собственно организационную – «...разработка полноценной системы охраны природы, порядка экспертизы природопреобразующих проектов, создание природоохранного законодательства...» [1. С. 28]; с другой стороны, гуманитарную – этическая коррекция экологических отношений. С. Залыгин утверждает ответственность человека за пространство жизни, долг перед будущими поколениями. Эта стратегия заключается в выработке человеком «этики производственных отношений» и «культуры взаимодействия с природой».

Этика производственных отношений связана с преодолением узкотехнического подхода к природопользованию – мышление не отвлеченными величинами («приведенные затраты»), а реалистическими категориями возможных последствий человеческой деятельности, выработка принципиально новой – ценностной – системы критериев оценки таких проектов: «Ведь подобные проекты вовлекают в орбиту своего воздействия такие природные тела и сферы, как живое вещество, атмосфера, поверхностные и подземные воды, почвы на огромных территориях, которые не могут быть оценены в денежных знаках. Следовательно, мы должны создать некую относительную шкалу ценностей природных условий и элементов по степени их «полезности» и, помимо денежного выражения, оценивать проекты еще и по этой шкале» [2. С. 37].

Этика обеспечит критическое отношение к техническим средствам и методикам. С. Залыгин настаивает на выработке особой «философии техники» – как средства с повышенной опасностью и необратимым воздействием, необходимого, но обладающего разрушительным потенциалом в случае неправильного или безответственного использования, – обеспечивающей правильное использование ее возможностей: «...техника всегда способна двигаться только вперед, осуществляя тот или иной проект и план, но способностью движения «назад», к обратной переделке того, что она уже совершила, к ликвидации последствий, если эти последствия оказались отрицательными, техника не обладает, и уж во всяком случае коэффициент ее полезного действия в этом направлении попросту ничтожен» [3. С. 50].

В основе экологической культуры должно лежать самоопределение человека в бытии, этическое осмысление его нового статуса, средств и возможностей. С. Залыгин отрицает волюнтаризм в отношениях с природной средой, требует разделения понятий «можем» и «можно». По мысли писателя, человек должен осознать себя неотъемлемой частью природы и восстановить естественные отношения с ней: «Ощущение того факта, что человек и окружающая его природа суть одни и те же химические элементы, что он и она – это единый процесс существования нигде и ни в чем не повторяемый, что «быть или не быть?» – вопрос, который нынче в равной мере относится и к нам, и к ней, – ощущение и понимание всего этого только и может этот вопрос решать» [Там же. С. 62]. С. Залыгин апеллирует к идее В. Вернадского о ноосфере и разворачивает эту концепцию в ходе собственных размышлений.

С. Залыгин говорит о формировании нового мировоззрения – расширении границ знания, которое стало узкоспециальным: «Общий и неделимый организм природы мы поделили между великим множеством отраслей. Их так

много, что теперь уже никто не может их сосчитать и обозначить» [4. С. 67]. Поэтому на смену дискретной техницистической картине мира, замещающей реальность абстрактными категориями, должна прийти универсальная картина мира, основанная на синтезе научного и гуманитарного (рационального и чувственного) познания, обеспечивающая целостное видение непосредственной реальности, реалистическое видение мира и себя в нем, самопознание: «И если в своем неудержимо-бурном развитии наука превратила в нашем сознании землю в почвоведение и геологию, воздух в метеорологию, а воды в гидрологию, то теперь она же обязана снова сблизить нас с природой в ее нераздельно-целостном состоянии, должна научить нас называть вещи своими собственными именами и, если на то пошло, создать новое, современное и социально и научно обоснованное язычество, то есть создать союз человека с природой» [3. С. 62].

Этический императив абсолютизируется, когда активное нравственное усилие человека, следование строго определенным принципам и нормам долженствования называется залогом существования. Согласно утверждению писателя, этика должна стать наукой «...столь же обязательной, как математика или геология. Этика должна быть связана со всеми нами и покоиться на своей безусловной необходимости» [Там же. С. 59].

В прямом слове публицистики С. Залыгин выражает свою гражданскую позицию, осмысляет основные противоречия современности, проявляя убежденность в их оценках и интерпретации. Аргументация основных положений имеет строго научный характер, писатель опирается на данные гидрогеологии, географии, экономическую теорию. Приоритет логико-понятийного начала выявляет коммуникативную установку публицистики С. Залыгина на убеждение, а не внушение – публицистика С. Залыгина имеет выраженный императивный характер.

Проблемы экологии в публицистике С. Залыгина периода перестройки рассматриваются в социальном (социально-историческом) и цивилизационном аспектах – как результат национально-исторического процесса в XX в. и тенденций развития мировой цивилизации. Взгляды С. Залыгина на взаимоотношения в системе «природная среда» определяет онтология писателя. Пути разрешения экологического кризиса (кризиса отношений в системе «природная среда – человек») заключаются не только в природоохранных мероприятиях, предполагая необходимость модернизации государства и системы общественных отношений. Экологическая ситуация и кризис, заключенный в ней, становятся проблемным полем для рефлексии писателя о самом широком спектре вопросов общественно-государственного развития.

При этом статьи отличают использование перестроечной риторики, соответствие стиля официальной идеологии второй половины 1980-х гг., ссылки на партийные постановления, что имеет в значительной степени «этикетный», «протокольный» характер и объясняется социальным статусом главного редактора «Нового мира».

В экологической публицистике С. Залыгина периода перестройки можно обнаружить указание на истоки кризиса Советского государства, с чем и связана в сознании писателя необходимость его решительного обновления (модернизации). С. Залыгин рассуждает о жизнеспособности социалистической

системы: «Да, социализм оказался на редкость жизнеспособной и терпеливой формацией. Каким только агрессиям, интервенциям, блокадам и эмбарго он не подвергался извне – а вот устоял! Каким только чрезвычайным положениям и происшествиям мы не подвергали его сами в силу необходимости, а иногда и безо всякой необходимости, по привычке мыслить безвариантно, по привычке не столько искать в нем, сколько требовать и требовать от него – он устоял! Социализм обрел нынче в мире прочное политическое положение, у него – непререкаемые достижения в области культуры, ему необходимо экономическое упрочение...» [1. С. 29]. Вера в социалистическое устройство может быть объяснена влиянием оптимистической атмосферы первых лет перестройки. Вместе с тем такая риторика может быть чисто номинальной – в публицистике С. Залыгин последовательно и аргументированно указывает на нежизнеспособность социалистической системы, перечисляет симптомы ее болезни – порочность системы государственной монополии и государственного планирования, о которой писателю в начале 1960-х гг., до своего бегства за рубеж, говорил будущий лауреат Нобелевской премии академик Конторович («Моя демократия», 1998), – связывая выздоровление с невероятными в контексте официальной идеологии мерами. В исследовании типов мышления С. Залыгин фактически указывает на причины скорого распада СССР – крушение советской авторитарной ментальности.

Литература

1. Залыгин С.П. Поворот: Уроки одной дискуссии // Залыгин С.П. Поворот. М.: Мысль, 1987. С. 5–31.
2. Залыгин С.П. Проект: научная обоснованность и ответственность // Там же. С. 32–48.
3. Залыгин С.П. Разумный союз с природой // Там же. С. 49–64.
4. Залыгин С.П. Интеллект и литература // Там же. С. 65–72.
5. Залыгин С.П. Зачем нам отречения? // Там же. С. 73–78.